

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2015. Том 15. Вып. 4, с. 67–106
<http://yearbook.uran.ru>

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ И РАЗНООБРАЗИЕ ЛОГИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ¹

УДК 303.01/09:32.019.5

Ярослав Юрьевич Старцев

кандидат политических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: y.startsev@gmail.com

В статье представлена типология видов мышления, разработанная на основе данных экспериментальной психологии и сравнительной антропологии, с её последующим проецированием на проблему разнородных интерпретаций политических явлений и вытекающих из них форм политического действия. Приведена сравнительная характеристика пяти модальностей мышления, - рациональной, магической, эстетической, этической и инструментальной, - с выявлением структурирующих их правил восприятия реальности, формирования суждения и получения нового знания. Каждый набор таких правил определяется как самостоятельная логика, а политическое мышление и связанное с ним политическое действие анализируется как последовательная реализация этих логик, в зависимости от выбранной модаль-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ № 15-33-11231 «Идеологические регуляторы в обеспечении общественного согласия и национальной безопасности в Российской Федерации: возможности и риски» на 2015–2016 гг.

ности. Выявлены типовые стратегии политического поведения, характерные для каждой модальности, и психологические триггеры, стимулирующие актуализацию рационального, магического, этического, эстетического или инструментального мышления и поведения. Основные выводы представлены в виде сравнительных таблиц, характеризующих структуру каждой модальности политического мышления, соотношение абстрактного и конкретного в рамках разных модальностей и логику политического действия, инициированного разными модальностями.

Ключевые слова: политическое мышление, политическое действие, политическая теория, типология мышления, иррациональное в политике.

Наиболее распространённые определения мышления страдают известным монизмом: мышление традиционно определяется преимущественно как рациональная и логическая разновидность психической деятельности [Рубинштейн 1958]. Такая синонимизация мышления и логики (с подразумеваемой единственностью логики, которая сводится к её формальной разновидности) достаточно удобна – она даёт надёжную точку опоры при описании и анализе психических феноменов, как на индивидуальном уровне, так и на коллективном. Вместе с тем, эта сформировавшаяся ещё в древности концепция подвергается всё большей эрозии, а психические феномены, часто отбрасывавшиеся как «иррациональные», становятся предметом пристального изучения. Психологи признают существование разных когнитивных стилей [Холодная 2004; Zhang, Sternberg, Rayner 2012] и разных видов интеллекта, которые не сводятся к эксплицитным формально-логическим операциям (например, эмоциональный интеллект). Исследователи социопсихологических аспектов магических практик и магических верований говорят о магическом мышлении как об особом виде мыслительной деятельности, которая не признаёт классических законов каузальности [Subbotsky 2010; Lévi-Strauss 1996]. Исследования в области логики как философской и математической дисциплины ведут к появлению всё большего количества разных логик, которые не только отличаются от принципов и правил классической формальной логики, но и часто оказываются для привычных к формальной логике людей невозможными или контринтуитивными. Наконец, изучение историками и культурологами особенностей мышления в рамках разных культурных и цивилизационных парадигм демонстрируют несводимое разнообразие способов мышления [Россия и мусульманский мир... 2010]. Подобное разнообразие делает необходимым переосмысление иррационального и в политическом мышлении и поведении: там, где часто предполагается отсутствие логической связности, вполне может обнаружиться просто другой тип связности.

Проблема приобретает особую актуальность для политической науки. Традиционные подходы к анализу политического мышления и политического сознания в целом отличаются некоторой «почвенностью»: индивидуальные, а особенно коллективные способы восприятия политической реальности и реагирования на неё связываются с условиями социализации, культурной или социальной укоренённостью тех или иных ментальных паттернов, будь то классические теории политической культуры, классовых

идеологий, политических ментальностей или типов цивилизаций. Между тем, для современного мира становится всё более характерной волатильность ментальных конструкций, провоцируемая информационными и миграционными обменами, растущей агрессивностью и комплексностью информационной среды и разрушением классических моделей политического действия. Следовательно, появляется необходимость выявления и детализации тех структурных элементов политического мышления, которые позволяют учитывать и анализировать эту подвижность.

В рамках данной статьи мы исходим из рабочего понимания мышления как произвольного психического механизма взаимосвязи и преобразования информации, позволяющего получить новое знание. Логика, в этом контексте, является набором непротиворечивых правил, в соответствии с которыми работает данный механизм. Соответственно, разные наборы правил представляют собой разные логики, предполагающие разные представления о связности и непротиворечивости как в политическом мышлении, так и в политическом действии.

Построение моделей формирования и функционирования разных политических логик представляется вполне возможным при ориентации на междисциплинарность. Психология, педагогика, антропология и смежные дисциплины достаточно давно и последовательно изучают такие феномены, как магическое мышление, художественно-образное мышление, бытовое и обыденное мышление и пр. В дальнейшем тексте данной статьи мы постараемся показать, что 1) разные типы (модальности) мышления основаны на разных логиках, но при том остаются сравнимыми, что 2) объектом мыслительной деятельности, относящейся к разным типам (модальностям) могут быть политические явления, что ведёт к существенно различному пониманию политической жизни, и что 3) разные модальности мышления вызывают к жизни разные типы политического действия, в т.ч. коллективного.

Прежде чем перейти к более подробной характеристике каждой модальности, необходимо сделать несколько уточнений по поводу терминологии и позиционирования языка описания в отношении существующих в разных дисциплинах и концепциях традиций словоупотребления. Терминология – прежде всего это касается самих наименований разных модальностей – вынужденно условна: в философской, психологической, социологической и политологической литературе встречается не один десяток типологий мышления, частично использующих одни и те же термины в разных значениях, частично опирающихся на собственный категориальный аппарат, и никакое осмысленное обобщение всех этих понятийных конструкций не представляется возможным. Как следствие, автор сталкивается с необходимостью либо разрабатывать ещё одну, собственную, терминологическую систему, либо смириться с тем, что используемые термины могут иметь иное значение в рамках других концепций или парадигм. Мы приняли второй вариант, причём выбор терминов, разумеется, не случаен: вне зависимости от степени совпадения с другими трактовками, каждый из них позволяет по меньшей мере определить направление различий, с последующим уточнением содержания при более подробном описании каждой модальности.

Позиционирование языка описания по отношению к рассматриваемым логикам представляет собой ещё более сложную проблему. Каждая модальность имеет свой собственный язык, используемый в том числе и для самоописания. Однако, воспроизведение этого многоязычия сделало бы невозможной коммуникацию, в данном случае – в форме сравнения. Сообразно жанру научной статьи, мы используем язык рациональной модальности, с возможным сохранением специфичной для других модальностей терминологии там, где это необходимо и возможно. Сложность заключается в том, что одни и те же термины могут иметь разное значение для разных модальностей; вне зависимости от нижеследующих уточнений и комментариев, читатель должен помнить, что для магического мышления, например, ритуал – это священнодействие и общение с духами (богами), часто – творение чуда, а не социально-исторически обусловленный институт, обладающий заданной функциональностью, как для рационального мышления.

Наконец, нами выбран термин «модальность», а не более нейтральное «тип» или «способ» для того, чтобы подчеркнуть две важные особенности предлагаемой типологии. Во-первых, речь ни в коем случае не идёт об идеальных типах: под модальностью мы понимаем прежде всего коммуникативный феномен, где проявление тех или иных черт напрямую определяется плотностью соответствующим образом структурированного коммуникативного пространства. Во-вторых, мы полагаем, что каждая модальность является универсальной, т. е. организованное таким образом мышление характерно для каждого человека, или для подавляющего большинства людей. Следовательно, речь должна идти не о принадлежности людей или обществ к тому или иному «типу», а об условиях актуализации той или иной модальности – в т.ч. для одного или того же человека, или в рамках одной и той же группы.

Модальности мышления: общая характеристика

На наш взгляд, применительно к способам понимания и интерпретации политических явлений будет оправданным и эвристически перспективным говорить о пяти разных модальностях мышления: рациональной, магической, эстетической, этической и инструментальной.

Каждую из этих модальностей имеет смысл анализировать лишь в сравнении с другими; более того, нам представляется, что попарное сравнение было бы в данном случае методологической ошибкой ввиду трудноудалимого стремления приписать одной из составляющих такой пары все известные свойства, которых мы не обнаруживаем в другой. Напротив, при одновременном сопоставлении всех названных модальностей появляется возможность позиционировать свойства каждой из них на своего рода когнитивной карте, учитывающей одновременно пять сравниваемых измерений. Все пять модальностей обладают следующими характеристиками:

- несводимость друг к другу (способы и правила преобразования информации в рамках одной модальности не воспроизводятся адекватно в рамках другой);

- самодостаточность (каждая модальность даёт достаточно оснований для конструирования непротиворечивой картины мира или для непротиворечивой и полной интерпретации какого-либо политического явления);
- универсальность (каждый среднестатистический субъект способен к мышлению и коммуникации в рамках любой из этих модальностей);
- структурированность (каждая модальность позволяет выделить объёмы, операции и этапы мышления, а следовательно – строить достаточно сложные и развёрнутые умозаключения);
- последовательность (мышление в рамках одной модальности проще и менее энергозатратно, в отношении одного осмысливаемого явления, чем переход от одной к другой, - при этом мономодальные мыслительные операции с большей лёгкостью выдерживают испытание репутацией и фальсификацией);
- логичность (каждая модальность характеризуется достаточно эксплицитным набором правил, на которые ориентировано мышление и которые являются основанием для коммуникации в рамках данной модальности);
- сравнимость (возможно выявление критериев сравнения, отражающих структуру и результаты мышления в рамках каждой из модальностей).

Постулирование этих общих характеристик делает возможным собственно сравнение различных модальностей мышления и, шире, их рассмотрение как одноуровневых явлений. Но интерес такого сопоставления, разумеется, заключается в различиях. Нам представляется, что различия могут быть выявлены на основе нескольких критериев сравнения, которые также удобнее представить в виде списка:

- предмет суждений и размышлений (разные модальности по-разному идентифицируют то, о чём или по поводу чего возможен мыслительный процесс);
- типовые характеристики предмета мышления (идентификация адекватного модальности предмета размышлений происходит путём обнаружения или приписывания ему определённых качеств);
- механизм связи между предметами мышления (механизм, приписываемый осмысливаемой реальности и, одновременно, диктующий правила осмысления);
- способ подтверждения суждения (принятый в рамках данной модальности способ обоснования адекватности и убедительности суждений – как при отдельных мыслительных операциях, так и в отношении итогового умозаключения);
- критерии оценки суждения (определение того, что является верным, а что неверным в рамках данной модальности);
- сфера вытесняемого или невысказанного (те явления либо характеристики, которые в рамках данной модальности не могут быть интегрированы в мыслительную деятельность, рассматриваются как несуществующие или несущественные);
- способ вытеснения и отторжения (типичная для данной модальности установка и связанные с ней действия по отношению к невысказанному);
- механизмы включения новой информации, придание ей осмысленной для данной модальности формы.

Поскольку каждый из этих параметров имеет нормативный характер, мы можем говорить, применительно к осмыслению того или иного политического явления, о разных логиках – соответственно, рациональной, магической, эстетической, этической или инструментальной (анализ проблемы сочетания разных логик выходит за рамки данной статьи). Собственно, представленный набор характеристик формирует свою для каждой модальности аксиоматику, которая в равной степени является и структурирующим этот способ мышления механизмом, и границами, за рамками которых данная модальность оказывается бессильной.

1. Рациональная модальность мышления

Рациональное мышление изучено наиболее основательно, а долгое время рассматривалось как синоним мышления вообще. Исследователи этой проблематики – преимущественно философы и психологи – чаще всего говорят именно о мышлении рациональном, рационально-логическом или о просто о мышлении как таковом. Значительное количество работ посвящено абстрактному, научному и математическому мышлению – частным, но традиционно оцениваемым как наиболее развитые, видам рационального мышления. Разумеется, этой же форме мышления посвящены труды специалистов по логике как самостоятельной философской и математической дисциплине, а также особый класс литературы, связанной с методикой решения задач – и, в целом, с разработкой и принятием решений. Мы не ставим перед собой невозможную цель обзора всех или даже большинства различных трактовок этой разновидности мышления, но ограничиваемся выявлением тех характеристик рациональной модальности, которые соответствуют предложенному исследовательскому протоколу.

Прежде всего, предметом рационального мышления являются факты (внеположные процессу мышления явления, с доказанной достоверностью существования и обладания некоторыми свойствами) и понятия (определяемые и уникально определённые мыслительные конструкты, референтом для которых являются внеположные субъекту явления). И понятия, и факты обладают устойчивыми свойствами, определяющими существование и допустимость предмета рационального мышления, одновременно позволяя идентифицировать сам предмет: объективность (в смысле внеположности субъекту), самождественность, структурируемость. Связь между предметами мышления осуществляется путём установления между ними отношений, согласованных с правилами формальной логики, – тождество и различие, каузальные связи, представленные как логическое следование, соотношение части и целого и пр. В целом, рациональное мышление объектно-ориентировано: оно направлено на внешние по отношению к субъекту объекты и их взаимодействия, а те характеристики субъекта, которые становятся частью рассуждения, объективируются.

Существование предмета и его свойств, достоверность суждений, относящихся к тем или иным предметам могут быть рационально обоснованы через доказательство – в общем случае, эмпирическое или логическое. Состоятельность доказательства и опирающегося на него суждения опреде-

ляется по критерию «истинно – ложно»; таким образом, истинность является ключевым параметром рациональной модальности мышления, тем фильтром, который используется для отбора, структурирования и преобразования информации. Основанием для решения об истинности или ложности процесса и результата мышления является рассуждение, в вербальной или иной форме (например, числовой), т. е. совокупность взаимосвязанных суждений. В самом общем виде они строятся по правилам силлогизма, хотя, разумеется, применительно к повседневной практике силлогизм является скорее идеал-типической моделью рационального суждения, чем его наглядным описанием. Развитие классической формальной логики и появления новых видов логик несколько не разрушает общей схемы рационального мышления, по сути лишь вводя новые понятия и новые правила их взаимодействия, основанные на тех же принципах. Так, в рамках нечётких логик введение представления о том, что суждение может быть истинным не только с вероятностью равной нулю или единице, но и с вероятностью большей нуля и меньшей единицы, не меняет базовых правил рационального суждения, которым подчиняется и само понятие вероятности, и способы её вычисления.

Наличие свойственных каждой модальности когнитивных фильтров предполагает, что какие-то виды информации отсеиваются в процессе восприятия или интерпретации. Иными словами, существует область вытесняемого или игнорируемого – чего-то, что не может быть интегрировано в мышление, происходящее по правилам данной модальности. Применительно к научной разновидности рационального мышления о критериях такого вытеснения достаточно подробно говорил К.Поппер [Поппер 2010], на более общем уровне правила отсеивания устанавливаются той же формальной логикой: не может быть предметом рационального мышления нечто, в отношении чего не соблюдается закон тождества, например, - и, на более сложных уровнях рассуждений, не рассматриваются суждения, которые не могут быть доказаны, равно как и суждения, которые не могут быть подвергнуты фальсификации в силу отсутствия у них фактической или понятийной определённости. Коротко говоря, рациональная модальность исключает из мышления недоказуемое. Однако, поскольку недоказуемое встречается в общественной жизни, существенную роль играют те процедуры, с помощью которых обеспечивается его вытеснение из сферы мыслимого. Для рационального мышления процедура сводится к объявлению недоказуемого – несуществующим: не случайно даже словарные определения «факта» подчёркивают реальность его существования в противовес выдумкам, несуществующему, - т. е., тому, что фактом не является [Никифоров 2010]. Исключением, конечно, является собственная аксиоматика рациональной модальности, чья априорность не является предметом доказательства, а просто некритически принимается как условие существования мира.

Вместе с тем, часто новая информация может быть сведена к известной: в рамках рациональной модальности ранее неизвестное легко интегрируется не только путём индивидуального доказательства, но и путём сведения к уже доказанному, т. е., например, через соотнесение с существующей категоризацией и через доказательное включение нового в класс

явлений, в отношении которого необходимые процедуры определения истинности уже проведены.

Необходимо отметить, что в исследовательской литературе встречается сравнительный анализ разных рациональностей, характерных для тех или иных исторических периодов, для различных социо-профессиональных или конфессиональных групп и т. п. [Вебер 1990; Смирнов 2001]. В большинстве случаев, однако, речь идёт о специфике ценностных установок, связанной с ней коллективно разделяемой специфичной фокусировке внимания и т. п. Иными словами, разнообразие рациональностей обогащает, но не опровергает предложенную выше схему. Наконец, рациональное мышление, как и любое другое, возможно на разных уровнях, от конкретного, ограниченно-осязаемой предметностью объектов суждения и незначительной длиной логических цепочек – до очень развитого абстрагирования. Существующие различия в этом отношении определяются, как и в случае других навыков, индивидуальными способностями, научением, наличием развитой традиции и институциональной среды. Применительно к проблеме политического мышления, и в целях сравнения с другими модальностями, наибольший интерес здесь представляют операции обобщения: выявление общих свойств предметов мышления, позволяющее приписывать эти свойства однородным явлениям, и, таким образом, использовать знание о конкретном объекте для суждения о других объектах. Психологические механизмы и логические процедуры, через которые осуществляется обобщение, достаточно широко представлены в литературе; в общем виде мы можем говорить о категориализации как основном механизме обобщения.

В целом, в современном мире рациональный подход к осмыслению политических явлений часто рассматривается как норма, причём не только в рамках политической науки, но и в непрофессиональных суждениях о политике [Yudkowsky 2015], а потому вряд ли нуждается в дополнительных иллюстрациях.

2. Магическая модальность мышления

Магическая модальность мышления изучается с использованием разных терминов: применительно к классу родственных явлений исследователи говорят о магическом сознании или мышлении, о мифологическом сознании или картине мира, многие наблюдения и концепции оперируют терминологией, ориентированной на исследование религии и проторелигиозных социально-психологических феноменов; отдельные аспекты этой модальности изучаются как проявления первобытного мышления; наконец, целый ряд работ анализирует близкие феномены в качестве символического мышления или символического мирозерцания. Вопреки достаточно распространённому приписыванию этих форм мышления традиционным обществам прошлого, либо этнографическим реликтам, распространённость магического восприятия вещей в современном мире подтверждается солидной эмпирической базой [Subbotsky 2010; Rozin, Markwith, Nemeroff 1992; Rozin, Nemeroff 1994].

Магическое мышление ориентировано на совершенно особый тип предметов, которыми оно оперирует: это символы, чудеса и артефакты. Символ,

в данном случае – прежде всего реальность, не тождественная самой себе, т. е. обязательно содержащая в себе нечто, чем она не является, и что имеет потустороннюю, сверхъестественную природу. С позиций рациональной модальности довольно сложно определить, что есть сверхъестественное – особенно если пытаться определять его не через отрицание (не-естественное, за пределами естественного, не являющееся естественным и т.п.), а через существенные и уникальные признаки, и если не сводить задачу к нанизыванию синонимов. Вместе с тем, потусторонность вполне очевидна в рамках магической модальности; можно отметить, что изнутри магического мышления так же сложно определить очевидное для рационального мышления понимание реальности и факта. Если определять сверхъестественное не по отношению к созданным в рамках другой модальности критериям, т. е. не на основе рационалистического понимания «естественного», то ключом к его пониманию будет многомирность: одновременное существования нескольких миров (слоёв реальности, уровней бытия и т. п.), каждый из которых может восприниматься как сверхъестественный (по-ту-сторонний) в другом.

Символ в этом смысле не произволен, поскольку неявная его составляющая, происходящая из другого мира, не позволяет бесконтрольно манипулировать формой. Однако внешняя составляющая символа может быть создана (начертана, произнесена и т. д.) для воссоздания целостности, которую он образует; в тех случаях, когда создание символа неочевидно и уникально, мы имеем дело с артефактом. Наконец, чудо представляет собой явленное и волевое соединение двух этих миров, и совершенно неслучайно часто описывается как вмешательство – божественное, духов, природных стихий и иных сверхъестественных сил. Стихии, судьба и другие источники и проявления магических сил могут, конечно, быть безличными, но при этом выступают как провидение, обладают намерениями, тяготением, стремлениями – т. е. волевыми свойствами, объясняющими их действия. В большинстве случаев, однако, эти силы персонализированы в рамках того или иного пантеона. Таким образом, магическое мышление ориентировано субъект-объектно, поскольку лишённый стоящей за ним и подразумевающей его (магической) субъектности объект в рамках данной модальности оказывается бессмыслицей; со стороны субъекта при этом действующим агентом становится его психическая составляющая, прежде всего – воля [Shtulman 2008]. Символы, артефакты и чудеса обладают некоторыми набором обязательных свойств, как общих, так и специфичных. Пожалуй, наиболее существенным из них является цельность, нерасчленимость; как следствие, для каждого из этих предметов мышления обязательна таинственность, неокончателность и принципиально невозможная разъяснёность, межмиральность. Несмотря на потенциально мыслимое бесконечное разнообразие чудес, можно говорить о трёх основных их вариантах: появление чего-либо, исчезновение и трансформация (превращение).

Взаимодействие таким образом понимаемых предметов магического мышления может быть сведено к простой формуле: творение чуда как проявления некоторой воли или замысла и спровоцированное манипуляцией с символами – идеальными, вербальными, графическими, осязаемыми и пр.

Вместе с тем, эти манипуляции не являются произвольными, так же как и выбор символов или артефактов. Наиболее общими – и, как кажется, наиболее распространёнными – правилами соединения символов являются подобие и сродство [Фрэзер 1986: 19-53; Леви-Брюль 1994], которые могут быть представлены в самых разных измерениях и аспектах: от внешнего подобия – до синхронистичности (подобие по времени), от связанности общим субстратом, будь то кровь или звуки языка – до родства душ или идей, как бы оно ни понималось. В каком-то смысле любая магия сводится к симпатической магии. Правила проведения тех или иных действий, или выстраивания представлений и суждений с использованием магии подобия и сродства подробно описываются как в рамках собственно магических практик, так и в культовых ритуалах и в мистической или эзотерической литературе. Существование постулируемой связи, как и сама чудесная природа или чудесные свойства символа либо артефакта подтверждается демонстрацией совпадения, которая выполняет здесь ту же роль обоснования и подтверждения верности суждения, что и доказательство в рамках рациональной модальности. В отличие от формального доказательства, в случае с магическим мышлением неприменимого, совпадение подтверждает адекватность суждений и действий за счёт наглядности. Таким образом, наглядность магического результата, т.е. – чуда, и будет являться ключевым параметром, позволяющим отличать верные суждения и основанные на них действия от неверных и выполняющим роль фильтра, отсеивающего информацию, не соответствующую требованиям магической модальности мышления. Наглядность может быть отсроченной: в каком-то смысле, для магического мышления свидетельство выполняет ту же роль, что ссылка на эксперимент для такой разновидности рационального мышления, как научное мышление. Заменой протоколируемости и воспроизводимости эксперимента тогда будет магический авторитет или компетентность свидетельствующего; пророки и оракулы в таком случае просто свидетельствуют о будущем.

Фильтрация предполагает исключение из процесса мышления того, что не может быть интегрировано в него в соответствии с правилами данной модальности. В случае с магическим мышлением, явным образом исключается изолированность (по отношению к сверхъестественному) и объективность тех или иных феноменов, попадая в разряд невысказанного: нечто не может существовать и происходить вне связи с другими мирами. Процедура исключения сводится к табуированию: невысказанное нельзя помыслить не столько в техническом, сколько в нормативном смысле; оно запрещено, поскольку мыслить невысказанное, заниматься профанацией – чревато карающей реакцией магических сил. В этом отношении довольно любопытно, что неверный, с точки зрения мифологизированного сознания, ход мысли вполне может считаться святотатством или грехом. В то же время, новая информация может легко интегрироваться магическим мышлением, в первую очередь – через одушевление новых явлений или стоящих за ними сил, т.е. соотнесение чего-либо с уже известными либо новыми субъектами магической воли (формирование новых культов, включая знаменитые «карго-культы» или вождистские культы хорошо иллюстрирует этот механизм).

Разнообразие магических практик и интегрируемых ими мифологических и религиозных систем достаточно велико. Во многих случаях «сверхъестественное» оказывается неоправданным упрощением, которое используется лишь при рациональном описании магических явлений: для развитых мифологий часто характерно представление о множестве взаимодействующих миров, от дуалистических систем или трёхчленной схемы христианства (ад - земная жизнь - рай), до девяти миров скандинавской мифологии – все они одинаково реальны и в этом смысле естественны. Однако примитивные магические практики вполне могут оперировать простым различием между «здесь» и «там», между обычным и необычным, - тут, как и в случае с рациональным мышлением, многое определяется уровнем абстрагирования и социокультурным контекстом, речь о котором пойдёт далее. В целом, в рамках магического мышления также существуют разные уровни абстрактности, от наглядно-предметных магических операций, до взаимодействия высших сил и стихий, - как и в случае с другими модальностями, индивидуальный навык абстрактного магического мышления зависит от способностей и от научения. По всей видимости, специфической для данной модальности формой обобщения является отнесение тех или иных магических проявлений к определённой универсальной силе, или персонализирующему её божеству, либо к какому-то из мифологически миров. Так, если в рамках простых видов магического мышления и связанных с ним магических практик определёнными чудесными свойствами может обладать какая-то вещь сама по себе, и свойства эти для неё уникальны, то более абстрактные формы мышления предполагают производность любого чуда от персонализированной стихии (силы), в соответствии с её атрибутами, - будь то специфические виды энергии (традиционные четыре стихии), специфические проявления (гроза, засуха, болезни, удача) или сферы ведения (территории, половозрастные группы, профессиональные занятия), либо от какого-то из иных миров.

В современной политике преимущественно магическую структуру имеют культы вождей (как политических лидеров, так и «эффективных менеджеров»), где личность вождя магически присоединяется к таким сверхъестественным сущностям как «историческая миссия», харизматичность, уникальность политической роли и пр., вплоть до богоданности. В значительной степени, вся идущая от Вебера традиция описания доминирования, основанного на харизме, отсылает именно к магическому мышлению. Другой достаточно характерный пример — конспирологическое восприятие политической жизни, где возможное многообразие взаимодействующих миров зачастую сводится к дихотомии тайного и явного.

3. Эстетическая модальность мышления

Изучение эстетического мышления является предметом преимущественно эстетики, культурологии, искусствоведения, но также педагогических наук и многих исследований в области художественной критики. Родственные мыслительные процессы изучаются также в терминах игрового мышления, образного или художественно-образного мышления,

художественного вкуса; многие существенные аспекты этой модальности проявляются в рамках исследования клипового и мозаичного мышления, а также при изучении природы и механизмов юмора и моды.

Предметом мыслительной деятельности в рамках этой модальности являются (художественные) образы и прообразы – визуальные, акустические, осязательные и пр., – включая, разумеется, и формирование комплексных образов, не сводимых к какому-то одному виду чувств. Применительно к нашим задачам, образ – прежде всего психическая реальность, осознаваемая как таковая. Вместе с тем, свойство производить определённый образ, или набор образов, приписывается и физической реальности, что делает данный предмет достаточно универсальным: в последнем случае можно говорить о восприятии различных объектов с точки зрения их способности сформировать некоторый образ, или фактического его формирования (иногда в связи с этим говорят о присущей объектам «выразительной форме»). Следовательно, сами по себе физические или социальные объекты также могут являться предметом эстетического мышления, но исключительно в их ипостаси источника образов, как про-образы. В этом отношении эстетическое мышление объект-субъектно: наличие какого-то объекта обретает смысл лишь в рамках его восприятия и оценки субъектом.

Данный предмет мышления обладает некоторыми атрибутами. Во-первых, это simultaneity: существование художественного по своему типу образа предполагает единовременное восприятие всех его составляющих, по крайней мере – в рамках границ оперативной памяти. Во-вторых, любой образ обладает способностью производить некоторое эмоционально-эстетическое впечатление, и в этом смысле может описываться как красивый, забавный, атмосферный, унылый, трагичный и т. п. Наконец, каждый образ характеризуется целостностью, формируя своего рода гештальт: он может быть аналитически расчленён, но его существование и обусловленное им впечатление производны от совокупности его составляющих в данном расположении (сочетании) [Sibley 2006].

Взаимодействие различных образов и выстраивание на их основе связных мыслительных конструкций определяется прежде всего законами гармонии, включая соразмерность, сочетаемость – т. е., отношение частей образа и различных образов друг к другу. Вместе с тем, исследователи отмечают такие черты художественно-образного мышления, как ассоциативность, метафоричность и парадоксальность [Канащенкова 2011] – в этом отношении чужеродность или явное нарушение классических принципов гармонии также способны сформировать убедительный образ. Способом оценки верности суждения будет выступать сопоставление, или трансдукция («сопоставление образов предметов и явлений с художественным эталоном на основе эстетических категорий» [Канащенкова 2011: 145]). Сам по себе художественный эталон обусловлен как социокультурными характеристиками воспринимающего субъекта, так и феноменом моды, что сообщает этой модальности чрезвычайную подвижность в отношении критериев оценки. Конечным критерием является соответствие подразумеваемому образцу, однако вариативность образцов формирует субъективное мнение

в категориях «нравится – не нравится», т. е. оценка имеет эмоционально-эстетический характер. Именно этот параметр оказывается ключевым при определении верности или неверности эстетического суждения, будь то в форме художественного произведения, политического действия или демонстрации природного пейзажа: объект, воспринимаемый как неприятный и дисгармоничный не может быть эстетически верным. В роли образца способно выступать и требование оригинальности – как бы то ни было, окончательное суждение является результатом сравнения. Подтверждение обоснованности суждения осуществляется путём обозначения наиболее ярких впечатлений, связанных с данным объектом, и его отдельных свойств, которым приписывается произведённое впечатление. Очень часто эти свойства производны от действий субъекта, создающего (про)образ: наблюдаемая техника создания эстетического результата выступает и в качестве объекта оценки, и в качестве аргумента при формулировке суждения. «Большую роль здесь играют характеристики ... которые позволяют говорить о том, не «что» изображено, а «как» это сделано» [Ушанева 2009: 58].

Как и во всех остальных случаях, данная модальность предполагает наличие области немыслимого, не вписывающегося в образуемый ею формат восприятия. Исключается из рассмотрения то, что воспринимается как скучное, безынтересное, эстетически и эмоционально нейтральное. Соответственно, основным способом фильтрации оказывается игнорирование: то, что не затрагивает эстетические чувства, недостойно внимания, во многом в силу этого оно неопишимо, прозрачно для восприятия, «никакое»; данная модальность к нему безучастна. Разумеется, и здесь немыслимость является скорее ценностной установкой, чем технической невозможностью: эстетическое мышление способно осознавать и скучное, но для него это столь же бессмысленная деятельность, как для рационального мышления – логический анализ выдумок (при условии, что они воспринимаются именно как выдумки, а не как исторически обусловленный социальный факт).

Разнообразие форм и уровней эстетического восприятия и эстетического суждения обусловлено в первую очередь связным разнообразием возможных образцов. Соответственно, здесь возможны градации от примитивного деления всего воспринимаемого мира на то, что подходит и то, что не подходит, то, что нравится и то, что не нравится – до достаточно сложных и контекстно зависимых суждений и конструкций. Основной формой обобщения – и, следовательно, возможного распространения уникального суждения на родственные объекты, – является соотнесение образов или про-образов с определённым стилем, форматом, жанром, манерой, – разумеется, не с рациональными категориями, описывающими стиль или жанр, а с их субъективным эстетическим восприятием. Выстраиваемая иерархия и дифференцированность таких обобщённых типовых образцов во многом и является показателем степени абстрактности эстетического мышления.

Эстетизация политической жизни достаточно давно рассматривается как устойчивая тенденция, в первую очередь – через придание политике медийного формата [Дебор 1999]. Однако, наряду с подстраиванием политического дискурса и опосредованных средствами массовой информации

практик под требования эстетического восприятия, эстетическая модальность проявляется во многих научных и популярных объяснениях политики (ср. симметричность большинства политологических схем), в эстетической природе таких явлений, как качество жизни и структура потребления, в тенденции к обростанию основных форм политического участия карнавальностью и праздничностью и пр.

4. Этическая модальность мышления

Особенности этического мышления изучаются прежде всего собственно этикой как философской дисциплиной; кроме того, формирование этического (нравственного) сознания традиционно является одним из направлений педагогических исследований и разработок. Одновременно – и часто независимо от этих традиций – этизированный взгляд на мир подробно исследуется антропологами и этнологами, а также входит в сферу внимания культурологических дисциплин, особенно сравнительных. Некоторые аспекты этой модальности последовательно рассматриваются в рамках философской аксиологии и юриспруденции.

Предметом этического мышления является поведение людей и связанные с этим поведением установки и намерения. Данная модальность, таким образом, имеет субъект-субъектный характер и ориентирована на взаимодействия людей (либо иных субъектов) как основное содержание мыслимой реальности. Поведение, в свою очередь, может раскладываться на отдельные поступки и, в частности, такой их специфический вид как акт выбора. Как и в остальных случаях, физический (поведение) и ментальный (установки, намерения) предметы мышления тесно связаны друг с другом и не существуют по отдельности: поведение воспринимается и мыслится как сознательная или как минимум интенциональная деятельность, а намерения и установки предполагают соответствующее им поведение, – как в прескриптивном, так и в экспликативном ключе. Обязательным атрибутом таким образом определённых предметов мышления является их ценностная окрашенность: для этического мышления не существует не-ценностных действий или намерений. Как следствие, каждый поступок или намерение персонализированы, – в той мере, в какой их наличие предполагает авторство сознательно управляющего своими действиями субъекта.

Предмет мышления оценивается – или мыслится ценностно ориентированным – по отношению к какому-то нормативному образцу. Эта норма является важным элементом как самоидентификации субъекта, так и идентификации его референтной группы, и, как правило, претендует на универсализм и абсолютный характер. В большинстве случаев, однако, нормы достаточно вариативны и дифференцированы, чтобы учитывать не только универсальные требования, но и предусматривать специфические предписания, ограничения или исключения для отдельных типов ситуаций, либо для отдельных групп (половозрастных, социальных, профессиональных и т. д.). Основными способами связи между отдельными предметами мышления являются их производность от этических норм и, как следствие, совпадение или несовпадение с установленной нормой, а также степень такого со-

впадения или несовпадения. Результирующее суждение является не только оценочным, но и прескриптивным, предписывая определённые действия или установку. Обоснование суждения обеспечивается за счёт процедуры сопоставления или противопоставления поступка (намерения, установки) норме; важную процедурную функцию, аналогичную обеспечению наглядности в рамках магической модальности, или доказательству для рационального мышления, здесь играет идентификация релевантной моральной нормы и её последующая трактовка. Конечный критерий, определяющий адекватность и правомерность суждения – оценка поступка, установки или намерения в рамках бинарной оппозиции «благо – вред» (тж. «добро – зло», «хорошо – плохо» и пр.).

Немыслимыми для этической модальности мышления будут явления, не имеющие ценностной окраски. Это не означает, что этическое мышление концентрируется исключительно на социальных взаимодействиях: отношение к природным явлениям также может быть структурировано этически, от некоторых проявлений анимизма и тотемизма – до различных форм экологического сознания; соответственно, и физические процессы могут быть этицированы через участие в них человека – иногда даже через одно только присутствие или знание о них. Если, всё же, происходит столкновение этического мышления с ситуациями и объектами, не вписывающимися в этот мыслительный стандарт, то основным механизмом вытеснения здесь оказывается деперсонализация: нечто неэтичное и неэтицируемое воспринимается как бессубъектное, т. е. механическое, стихийное или животное. Соответственно, включение каких-то феноменов в сферу этического мышления предполагает их персонализацию («кто-то должен нести ответственность») и морализацию (такое описание явления, которое позволяет соотносить его с наличной системой этических норм, от классового сознания или национальных интересов до христианской этики).

Разумеется, этическое мышление также предполагает возможность разных уровней, от примитивных форм («я увёл верблюда – хорошо, у меня увели верблюда – плохо») – до чрезвычайно дифференцированных и масштабных этических систем. Специфичный для этической модальности механизм обобщения предполагает распространение оценки того или иного намерения (поступка) на всё поведение человека и, шире, на его интегральную личностную характеристику, т. е. функционирует в рамках последовательности «моральный поступок – моральное поведение – моральная личность». Возможна и дальнейшая экстраполяция таких суждений на обусловленные характеристики социальных или профессиональных групп, наций и пр.

В современной политической жизни актуализация этической модальности происходит, как правило, в рамках обострения дихотомии «свой-чужой», т. е. в ситуации политического конфликта: именно такое противопоставление оказывается наиболее простым и наиболее массовым способом этического восприятия реальности. Более сложные и абстрагированные формы проявления этической модальности связаны с дискурсом справедливости, как идеализированного соответствия политической практики принятому данной группой своду моральных норм.

5. Инструментальная модальность мышления

Данная модальность чаще всего изучается как практическое мышление, во всяком случае – в психологии [Корнилов 2000; Васищев 2002; Albrecht 2007], но родственные явления характеризуются также как мышление конкретное, утилитарное, предметное, прагматическое и пр. Многие существенные аспекты этой модальности рассматриваются также в социологической, психологической и философской литературе как проявления обыденного мышления. В современной социальной и политической теории ряд связанных с инструментальным мышлением процессов анализируется при изучении социальных и политических практик и применительно к проблеме «ограниченной рациональности».

Основным предметом осмысления в рамках инструментальной модальности являются отдельные вещи, операции и отражающие их схемы. Вещью, в данном контексте, могут являться и человек, и отношение – в той мере, в какой они инструментализируются в рамках достижения утилитарной цели; в отличие от факта, основная характеристика понимаемой таким образом вещи – не доказанность её существования, а возможность её использования. Как следствие, первым и обязательным свойством предмета мышления является его интеллигибельность, понятность – в той мере, в какой это необходимо для выполнения и воспроизведения данной операции. Не менее важна конкретность: инструментальное мышление рассматривает не обобщённую модель операции, а её непосредственное выполнение здесь и сейчас; результирующая схема, таким образом, также имеет контекстно обусловленный характер и может быть экстраполирована на более широкий круг явлений лишь при совпадении контекста. «В практическом мышлении... учитываются и отражаются в обобщении не только сам объект с его свойствами, но и условия, средства воздействия, выявившие свойства объекта, а также позволяющие снова в этих условиях и этими средствами произвести нужное и заранее известное преобразование» [Корнилов 2000: 258]. Один из аспектов конкретности, вполне заслуживающий выделения в самостоятельную характеристику – достигаемость, подручность, доступность для непосредственного использования. В каком-то смысле достигаемость в отношении навыков и объектов эквивалентна интеллигибельности в отношении схем: релевантно то, что доступно, постижимо, может быть использовано здесь и сейчас, или в реалистичной и обозримой перспективе. Ещё одна существенная черта объекта – его «податливость» предполагаемому воздействию или использованию, пригодность, способность быть задействованным в рамках текущей или планируемой деятельности [Корнилов 2000: 262]. В целом, инструментальное мышление ориентировано субъект-объектно, как и магическое, но в данном случае действующим агентом оказываются не столько психические свойства любого субъекта, сколько физические свойства человека, операция мыслится как делание. «Объектом мысли теперь является вся взаимодействующая система: действующий субъект; условия, средства действия и само действие; объект, на который направлено это действие» [Корнилов 2000: 258]. Та же модель может, разумеется, переноситься и на межсубъектные отношения, которые

объективируются и инструментализируются, либо на идеальные объекты, которые мыслятся по аналогии с физическими.

Различные объекты инструментального мышления связываются друг с другом через примеривание, аккумуляцию, стереотипию и алгоритмизацию. Примеривание, как в физическом мире, так и в виде мысленных проб, предполагает попытку применения той или иной операции или схемы к рассматриваемой ситуации или объекту, с соответствующим закреплением удачной операции за данными обстоятельствами, либо переходом к примериванию новой операции. Аккумуляция представляет собой формирование набора схем и операций, потенциально применимых в данных обстоятельствах ввиду достижения поставленной цели. Стереотипия предполагает создание типовых схем, потенциально применимых в сходных ситуациях [Корнилов 2000: 180-190]. Наконец, алгоритмизация заключается в формировании устойчивой последовательности операций или схем, позволяющих решить поставленную задачу в определённых обстоятельствах.

Основная форма подтверждения верности умозаключения (суждения) – его практическая реализация: верно то, что сделано. Таким образом, можно говорить, что инструментальное мышление имеет прецедентный характер, и именно прецедент, подтверждённый его повторением, оказывается здесь конечным мерилем. Критерием, позволяющим оценить адекватность такого подтверждения становится общая слаженность результата деятельности – в зависимости от типа поставленной задачи, либо как самодостаточная завершённость, прегнантность, либо, с функциональной точки зрения, как работоспособность, функциональность, утилитарность.

Инструментальная модальность также определяет для себя сферу немислимого: лишённым смысла оказывается бесполезное – то, что не может быть инструментализировано и куда-либо приспособлено. Такая неинструментализируемая реальность вытесняется, отфильтровывается через устранение или изоляцию, дистанцирование по отношению к физической или психической сфере досягаемости субъекта: всё, чем субъект может располагать, должно быть инструментально, а то, что невозможно использовать, необходимо удалить за пределы досягаемости, – либо, при невозможности, удалиться самому. Однако, любой новый феномен может быть интегрирован инструментальной модальностью, как только находится способ использовать его в рамках текущей деятельности: применимое, как правило, находит способ применения.

Как и в остальных случаях, инструментальная модальность предполагает существование разных уровней мышления, от простейших операций и навыков, связанных с ручным трудом и базовым различием полезного и бесполезного, до весьма сложных конструкций, будь то инженерная, управленческая или врачебная компетенция, или же навык политических интриг. Ключевой механизм обобщения тут – типизация явлений по признаку их пригодности к той или иной операции, либо по их месту в той или иной схеме [ср. Lévi-Strauss 1996: 50-94]. С этой точки зрения, ставшая анекдотичной «китайская классификация животных» Борхеса является совершенно банальным и разумным, в рамках этой модальности, примером подобной ти-

пизации: животные распределены по группам, предполагающим разную поведенческую реакцию взаимодействующего с ними субъекта и разное практическое применение; за основу типизации — которая, конечно, не является классификацией, поскольку ориентирована не на всеохватность, а на подручность — берутся признаки не случайные, а обусловленные способами дальнейшего использования [ср. Лакофф 2004: 129-135].

В современном мире инструментальный подход к политике во многом легитимирован концепциями Realpolitik и политического реализма, а в медийной сфере — идеологемой политического прагматизма.

Основные черты каждой модальности можно резюмировать в следующей таблице (Табл. 1):

Нам представляется необходимым ещё раз подчеркнуть несводимость любой из модальностей только (преимущественно) к простым формам мышления, опирающимся на наглядность, или только (преимущественно) к абстрактному мышлению. Разноуровневость мышления в рамках разных модальностей может быть резюмирована в следующей таблице (табл. 2).

Разумеется, возникает серьёзное искушение свести ту или иную модальность к индивидуальным особенностям людей, и говорить о носителях рациональной, магической, эстетической, этической или инструментальной картины мира. Не менее сильное искушение касается приписывания господства той или иной модальности определённой культуре или исторической эпохе, с разделением хронологической шкалы или цивилизационных общностей на эстетические, магические

Таблица 1

Сравнительные характеристики модальностей мышления

<i>Параметры для сравнения (исследовательский протокол)</i>	Рациональное мышление	Магическое мышление	Эстетическое мышление	Этическое мышление	Инструментальное мышление
Предмет суждений и размышлений	Факты, понятия	Чудеса, символы и артефакты	(Художественные) образы и прообразы	Поступки, установки и намерения	Вещи, операции и схемы
Типовые свойства предмета суждения	Объективность, самоотжественность, структурируемость	Таинственность, цельность, многомирность, субъектность	Симультанность, эмоционально-эстетическое впечатление, целостность	Ценностная ориентированность, персонализированность, интенциональность	Понятность, конкретность, подручность, пригодность

Механизм связи между предметами суждения	Формальная логика, прежде всего — тождество и следование	Подобие, сродство, трансформация	Законы гармонии, сочетаемость	Производность от нормы, совпадение или взаимоисключение, полярность	Примеривание, аккумуляция, алгоритмизация
Способ подтверждения (оценки)	Доказательство (логическое либо эмпирическое)	Демонстрация со-впадения	Сопоставление с индивидуальным образцом	Противопоставление и сопоставление с универсальным образцом	Прецедент, реализуемость
Критерии оценки суждения	Истинность (истинно/ложно)	Наглядность, «живость»	Адекватность, при-ятность (нравится/не нравится)	Моральность (добро/зло), справедливость	Слаженность (прегнантность или функциональность, утилитарность)
Механизм обобщения	Категориализация	Соотнесение с универсальной силой (божественном) или структурным элементом иного мира	Жанровые, стилевые характеристики	Экстраполяция по-ступка (намерения) на поведение, лич-ность, группу	Типизация по спо-собам и ситуациям использования
Сфера вытеснимо-го/немыслимого	Недоказуемое: пред-рассудки, суеверия, выдумки	Объективное, изо-лированное	Скучное, неинтерес-ное	Нейтральное, объ-ективное	Бесполезное
Способ вытеснения/отторжения	Объявление несуще-ствующим	Табу	Игнорирование, без-различие	Деперсонализация	Дистанцирование
Способ включения, придания осмысленности	Рациональное объ-яснение	Одушевление	Узнавание образов или стилевых харак-теристик	Определение мо-тивов поведения и ответственных субъектов	Приспосаблива-ние
Основополагающий принцип	Взаимосвязь объектов (субъект внеположен или объективирован)	Субъектность в отно-шении объектов	Субъективность в от-ношении объектов	Взаимосвязь субъ-ектов	Включенность в объект

Таблица 2

Уровни абстрагирования в разных модальностях мышления

	Рациональное мышление	Магическое мышление	Эстетическое мышление	Этическое мышление	Инструментальное мышление
<i>Параметры для сравнения (исследовательский протокол)</i>					
Наглядно-предметный уровень	Простые каузальные цепочки (прямая однофакторная зависимость, небольшое количество элементов), арифметика и пр.	Дихотомия «этот мир – тот мир», простота магических ритуалов, однозначность последствий (проявлений)	Немотивированные суждения «нравится – не нравится», неотрефлексированность факторов эстетического восприятия	Ситуативность морали, конкретное «я» или «мы» как отграниченная точка определения блага	Ограничение доступности сиюминутной достигаемости вещей и актуальным наличием навыков; короткие схемы из 1-2 операций
Абстрактный уровень	Рациональные модели, многофакторные зависимости, высшая математика	Развитая мифология (идентификация и структурирование множества миров, пантеон)	Оперирование эстетическими системами, жанровыми и стилистическими характеристиками, включая средства их обеспечения	Универсалистские и нюансированные этические системы, правовые системы	Включение в доступность возможности получения доступа; схемы с десятками и сотнями операций; типовые схемы

и пр.,¹ — либо, наконец, определённой социальной группе (например, эстетическое мышление «креаклов», инструментальное мышление рабочих или военных, магический характер крестьянского мировосприятия и т. п.). Всё это, несомненно, может представлять интерес, однако в рамках данной работы важна прежде всего универсальность всех проанализированных вариантов мышления, а не связанные с ними индивидуальные различия, и коммуникативная природа каждого варианта мыслительной деятельности, а не их ограниченность культурными или социальными рамками.

Взаимодействие модальностей мышления и политической жизни.

Различные модальности не ограничи-

¹ Так, в частности, возможна интерпретация многих концепций цивилизационных различий, от Данилевского до Хантингтона, через исследование того, какие модальности приобрели, в рамках того или иного общества, устойчивую институционализацию, а какие нет, — наряду, разумеется, с специфическими этнокультурными, лингвистическими и религиозными характеристиками.

ваются, конечно, только сферой мышления — они служат основанием для тех или иных форм политического поведения. В связи с этим представляет интерес анализ тех механизмов перехода и взаимосвязи, которые проецируют сформировавшиеся в рамках данной модальности ментальные паттерны на действия в физическом мире, — либо, наоборот, стимулируют, поддерживают и оформляют с помощью внешних воздействий существование и функционирование определённой модальности мышления.

Как и в случае с характеристиками собственно политического мышления, здесь можно опираться на исследовательский протокол, позволяющий осуществить сравнение разных модальностей. На наш взгляд, наиболее важными параметрами сравнения являются следующие:

- организация перехода к действию: познавательные механизмы, позволяющие перейти от мышления к действию в рамках данной модальности;
- стратегии политического действия: возможные в рамках данной модальности непротиворечивые варианты деятельности;
- ключевые акторы: роли лидеров, авторитетов, профессионалов, специфичные для данной модальности;
- институты: традиционные институты, интегрирующие и поддерживающие данную модальность;
- неспособные: роли несведущих и неумеющих, неадаптированных к правильному и успешному действию в рамках данной модальности;
- триггеры: стимулы переключения между модальностями, либо актуализации той или иной модальности мышления и поведения.

Переход от мышления к действию — психологическая и философская проблема с многовековой историей. В данном случае нас интересует лишь один её аспект, достаточно частный: каковы предпосылки политического действия, требуемые каждой конкретной модальностью.

Прежде всего, важен первый шаг такого перехода — не только потому, что он является собственно началом действия, но и потому, что его характер и структура во многом определяют дальнейшую организацию деятельности. В процессе деятельности, осуществляемой в рамках одной модальности, действующий субъект не только следует в направлении, заданном «первым шагом», но и постоянно соотносит с ним отдельные действия, т. е. этот шаг во многом определяет характер рефлексивности поведения.

Для рационального мышления таким стартовым преддействием будет планирование: мысленная схема, отражающая последовательность действий. Без плана деятельность оказывается невозможной — или не является рациональной. Степень сложности и структурированности плана, планируемые этапы и продолжительность действий определяются как спецификой ситуации, так и уровнем рациональности, т. е., прежде всего — масштабами и вариативностью абстрагирования и фактической обоснованностью. Чрезвычайно разнообразная и обильная литература, посвящённая проблемам планирования, целевого программирования, рассматривающая его с позиций разных дисциплин, анализирует различные аспекты этой деятельности

со всей подробностью: рациональное политическое действие начинается с разработки программы.

Для магического мышления, ввиду его принципиальной субъект-объектной ориентированности, роль структурирующего дальнейшую деятельность первого шага выполняет контакт с иномирными силами: вне этого контакта никакое магическое действие невозможно. Вне зависимости от того, является ли такой контакт случайным, инициированным «с той стороны», либо совершённым в соответствии с подробным ритуалом, он предопределяет возможные и необходимые направления дальнейшей деятельности. Так, любая версия вождизма предполагает сакрализацию прихода лидера к власти как чудесного проявления контакта между миром магических сил (народной воли или чаяний, провидения, судьбы или судьбоносного выбора, тайных властителей мира и пр.) и конкретной личности.

Эстетическая модальность вполне естественным образом опирается на вдохновение, во всех его возможных вариациях: творческий порыв, вызванный впечатлениями экстаз, всплеск фанатичного обожания, желание следовать моде по принципу «хочу такую же!» и т. д. Непредсказуемость и эмоциональная детерминированность вдохновения, казалось бы, должна делать эстетическое реагирование редким явлением; однако, применительно к достаточно большому количеству людей, феномен этот оказывается в среднем достаточно распространённым. Эстетика революционного (реформаторского) порыва и эмоционального обновления сопутствует или предшествует любым политическим изменениям, если они вписываются в требуемый формат, т. е. представлены как симультанные и чувственно воспринимаемые.

Этическое мышление трансформируется в деятельность через осознание — и, шире, принятие — морального долга. Без долженствования любые этически окрашенные и мотивированные действия оказываются спорадическими и случайными, — часто не связанными с мышлением вообще. Долг, в свою очередь, конкретизируется применительно к той или иной ситуации, т. е. стартовая установка этического действия — ответ на вопрос о том, кто должен что-то делать в этой ситуации (или что должно быть сделано), исходя из принятой системы моральных норм. Обратной стороной и возможным вариантом актуализации той же модальности является идентификация права субъекта на тот или иной вид деятельности.

Наконец, инструментальное мышление реализует себя в деятельности через эксперимент. В современной литературе данный термин чаще всего применяется в отношении научного эксперимента, представляющего собой деятельность преимущественно рациональную, но в данном случае речь идёт об эксперименте в бытовом смысле этого слова: пробное действие, направленное на выявление способности того или иного поведения вызвать некоторый результат, вне зависимости от обоснованности, прогнозируемости и прочих рациональных характеристик. Разумеется, экспериментальное действие в таком случае может быть как случайным, так и опираться на предшествующий опыт. В политической деятельности такие эксперименты чаще всего представлены как детерминированные ситуацией (стечением обстоятельств) попытки, удачные или неудачные, осуществления изменений.

Каждая модальность мышления задаёт ограниченный набор стратегий реагирования на политическую реальность. Для их выявления представляется вполне оправданным опираться на классическую триаду А.Хиршмана — *exit, voice, loyalty* [Hirschman 1970] — слегка модифицировав её: стратегии пассивного восприятия и дистанцирования (ухода), стратегии конструирования (созидания) и стратегии участия (поддержки либо критики).

Так, рациональная модальность предполагает возможность структурирования политических реалий через объяснения, а на их основе — через рационально мотивированное и организованное участие, либо через рационализации этих реалий — в том значении, в каком этот термин используется в психологии (при отсутствии достаточной фактической базы рациональные объяснения, направленные на устранение когнитивного диссонанса, строятся *ad hoc* и часто стремятся к редукционизму, в т.ч. — к цинизму, к замещению истины типовыми ментальными конструкциями), либо через их отрицание и вытеснение путём объявления наличных политических практик иррациональным вздором. Собственно созидательная деятельность, некоторый аналог хиршмановского *voice*, но без неременной протестной составляющей, происходит через разработку и осуществление рациональных планов и проектов. Думается, основной чертой рациональной политической деятельности является именно следование разработанному плану, со всеми атрибутами плана действий.

В свою очередь, магическая модальность предполагает либо магическую сопричастность (идеи, движению, лидеру, государству) и поиск адекватных средств такой причастности, включая ритуалы и заклинания, либо более пассивное гадание, направленное на выявление намерений высших сил (в современном мире роль такого политического гадания часто играет обращение к мнению экспертов или, для массового политического поведения, к СМИ). В любом случае, магический взгляд на мир подразумевает идентификацию иномирных сил, непременно стоящих за любым явлением — фактически, являющихся его частью и движущим элементом (в этом отношении конспирология — наиболее наглядный пример такого рода, наряду с сакрализацией политических деятелей или процессов). Созидательная магическая деятельность осуществляется путём направления действия высших сил через инкантиции и иные формы активной ворожбы, от традиционных религиозных обрядов до сакрализации выборов, массовых акций и т. д. Одновременно важной стороной создания магической реальности является мифотворчество и последовательное творение чудес, формирующих и представления о структуре мира, и связанный с ней нарратив, будь то конструирование образа извечного (геополитического) зла, демонстрация магической силы политических решений или ритуализация и приписывание чудотворных победительных свойств военному подвигу [ср. Современная российская мифология 2005].

Эстетическое мышление предполагает как политическое участие в форме фанатства (активной поддержки, популяризации и обожания со стороны фанатов, поклонников), так и эстетическое реагирование на уровне симпатий, уютной привычности, поиска новизны либо юмора. Традицион-

но разделяемые, даже противопоставляемые сатира и юмор тут выполняют сходные функции: как политическая сатира в значительной степени эстетизирует и вводит в сферу воспринимаемых с удовольствием образов, те свойства объекта, которые критикуются в рамках той или иной модальности (необразованность, профанность, уродливость, аморальность, бестолковость), так и юмор способствует опривычиванию, эстетизации наличной политики, воспроизводя устоявшиеся паттерны и ролевые характеристики¹. Восприятие действительности как уродливой в рамках этой модальности провоцирует стандартные формы эскапизма. Политическое созидание в логике эстетической модальности достаточно хорошо описывается, пусть и в критическом тоне, концепцией общества-спектакля [Дебор 1999]: действие структурируется как артистическое действие, перформанс, основные черты которого — техническая проработанность и ожидаемый эстетический эффект, от эстетизации внешней политики через образы силы и величия — до формирования социальной политики на основе жалости к приятным страдальцам или отвержения неприятных иммигрантов, или молодёжного политического маркетинга с призывами «приходите, будет прикольно», «приходите, будет весело» и т.п. Разумеется, в другие исторические эпохи эстетическое конструирование политики осуществлялось и в иных формах.

Стратегии реагирования на политические явления, возможные в рамках этической модальности, могут анализироваться по той же схеме. Основная форма политического участия здесь — следование моральным предписаниям, делающие ту или иную активность в рамках существующих политических форм моральным долгом или реализацией права, от участия в массовых мероприятиях, включая выборы — до собственно содержания политического выбора. Примером является большинство вариаций гражданского или патриотического долга; в терминах морального долженствования может быть описан и классовый выбор, и религиозный, и собственно этический, и профессиональный, и пр. Разумеется, такая организация деятельности предполагает и достаточно хорошо функционирующий социальный контроль в отношении выполнения этих предписаний. В качестве стратегии ухода, скорее всего, данная модальность предполагает принцип «малых дел»: при невозможности морально детерминированного собственно политического действия, субъект абстрагируется от большого масштаба как от нечеловеческого или непостижимого и концентрируется на прикладной этике в отношении ближнего окружения. Наконец, созидательная политическая деятельность в рамках этической модальности реализуется как установление справедливости политическими средствами, — в соответствии с тем её пониманием, которое заложено в моральном кодексе субъекта.

Инструментальная модальность мышления также определяет спектр возможных стратегий, рассматриваемых в рамках всё той же методологической триады. Стратегия поддержки и участия связана здесь с инструмента-

¹ В этом смысле ритуализация насмешек над бюрократией или политическими лидерами, по сути, способствует сохранению системы, оприятнивая её как источник положительных эстетически окрашенных эмоций и поддерживая политическую пассивность.

лизацией наличных политических процессов ввиду прагматических целей субъекта, от мародёрства или коррупции — до таких широко распространённых практик как лоббизм, наказания депутатам или организация собственной политической карьеры (либо иной карьеры, когда она политически обусловлена). Речь идёт именно о стратегии поддержки в той мере, в какой эта инструментализация основана на существующих институтах и практиках, в значительной степени обеспечивая их воспроизводство: коррумпировать можно только определённым образом организованную власть, для мародёрства необходимы войны, — причём, масштабы выгоды пропорциональны масштабу инструментализируемых процессов. Стратегия ухода будет проявляться в деятельности по минимизации властного воздействия на повседневную жизнь субъекта, от стремления к максимальной хозяйственной и профессиональной автономности — до скрытого саботажа, симулирования выполнения властных требований, ориентированного на минимальную энергозатратность. Деятельность созидательного характера в рамках данной модальности предполагает множество частных решений и действий, направленных на решение локальных и \ или узкопрофессиональных политических проблем, т. е. через реализацию ситуативных проектов или конструкций *ad hoc*, — как правило, имеющимися средствами. В большинстве случаев, видимо, речь может идти о проведении разовых акций, о создании отраслевых или локальных структур управления, ориентированных на узкий круг прикладных задач, - по мере возникновения этих задач.

В рамках данной работы мы рассматриваем политическую жизнь преимущественно как межсубъектную коммуникацию; как следствие, одним из направлений перехода каждой модальности из ментального плана в физический, от мышления — к действию является идентификация субъектов, осуществляющих такой переход. Выдвинутый выше тезис об универсальности всех пяти модальностей предполагает, что специфические различия должны проявляться в способах деятельности, а не в том, кто её осуществляет. Между тем, именно особенности организации деятельности в рамках каждой из модальностей требуют наличия социальных ролей, определяющихся особенными действиями, типичными для данной модальности. Иначе говоря, специфика действий предполагает, что наряду с многочисленными анонимными социальными и политическими субъектами присутствуют и особенные субъекты, выполняющие необходимые роли и обладающие требуемыми для этого свойствами. В рамках каждой модальности они задают текущие стандарты, в значительной степени обеспечивая их соблюдение, выполняют лидерские функции применительно к существенным для модальности видам деятельности, продуцируют и поддерживают необходимое информационное поле.

Роли ключевых акторов в рамках рациональной модальности в современном мире играют учёные: любая деятельность в предельном случае разумна лишь настолько, насколько она одобрена или предложена учёными (научно обоснована). «Учёность» или «научность» как специфические свойства связаны с устойчивыми атрибутами: с определёнными источниками особой рациональной компетентности и с некоторыми обязательными внешними проявлениями - свидетельствами научной компетенции; и то, и

другое легитимирует роль учёных как ключевых акторов рациональности. Так, квалификация представителя науки обычно подтверждается и легитимируется его устойчивой специализацией, длительными и сложными исследованиями, научными званиями или степенями, количеством и характером научных публикаций либо иных видимых результатов деятельности, институциональной принадлежностью. Обязательность таких характеристик не означает, конечно, что ролевые ожидания сугубо формальны: актор постоянно должен подтверждать свою роль и свой статус через специфичную для данной модальности и образцовую, в её рамках, деятельность. В данном случае существенно, что это именно ролевая функция, не связанная напрямую с индивидуальными характеристиками выполняющего его в тот или иной момент человека — как личностными, так и собственно научными. В другие эпохи, разумеется, такая роль могла быть преимущественно зарезервирована за представителями других социо-профессиональных групп, — например, в средневековой Европе, по всей видимости, значительную часть функций рационального авторитета выполняла часть монашества, профессионально занимающаяся богословием, особенно в рамках схоластической традиции. Современные учёные, в свою очередь, не прикованы намертво к этому набору ролевых функций, и в некоторых ситуациях вполне могут оказываться и в роли жреца-мага, и в роли поп-звезды, т. е. действовать внутри других модальностей и по другим законам; речь, таким образом, идёт скорее об институциональной тенденции, чем об абсолютном правиле.

Жрецы-маги как раз являются ключевыми акторами магической модальности, поскольку наиболее важными атрибутами здесь оказывается наличие особых «контактёрских» свойств (когда врождённых, когда приобретённых, в зависимости от множества частных параметров) и, одновременно, владение ритуалом, т. е. специфическими процедурами, обеспечивающими успешное взаимодействие с иномирными силами, от гадания — до санкционированного и вдохновляемого свыше повеления судьбами людей и государств. К числу непрременных внешних проявлений, легитимирующих и подтверждающих статус актора в этой системе, можно отнести наличие какой-то печати сакральности (внешность, биографические казусы, манера поведения, успешные свершения) и почти неизбежный культ самого мага, его частичное или полное обожение. Во многих случаях маг обязательно должен обладать специфическими магическими инструментами (волшебной палочкой, старинными амулетами, харизмой, тайной полицией, мудрыми советниками, обширными связями, хитрым планом и т. п.), т. е. эксклюзивными артефактами, владение которыми и обеспечивает устойчивый контакт с иным миром, и подтверждает исключительность самого жреца-мага. Данная роль остаётся неизменной в своей основе на протяжении всей известной нам истории человечества, несмотря на социальную и символическую дистанцию, разделяющую наместника Бога на земле и уличную гадалку. Вместе с тем, те же функции и ту же модальность с лёгкостью перенимают и развивают политические лидеры, государственные деятели, политические активисты и пр., — здесь, таким образом, также нет обязательного закрепления ролевых функций за какой-то социо-профессиональной

группой; роль формируется не столько субъектом, сколько системой отношений, в которую он включён.

Этическая модальность также предполагает выделение специфических ролевых функций, связанных с определением и трактовкой норм поведения и формирующих моральные авторитеты. Особенностью ключевых акторов этой системы является интегративность соблюдения предписываемых ими норм для них самих: учёный может быть иррационален в повседневной жизни, маг может быть неуязвим для колдовства, но проповедник аскетизма не может быть в свободное время развратным чревоугодником, под угрозой утраты своей роли. Моральный лидер, таким образом, становится не только источником норм, но и примером — если не образцом — их выполнения, причём выполнения постоянного, повседневного и непрерывного; это вполне соотносится с упоминавшимися выше персонализацией и субъект-субъектностью, характерными для данной модальности. Одним из обязательных атрибутов таких акторов является их способность разрешать этические противоречия: они выполняют, таким образом, и функции арбитра, и функции советника или исповедника. Зачастую такая способность производна от биографической амбивалентности, когда актер имеет опыт и праведной, и неправедной жизни, с обязательным перерождением (ср. распространённость этого мотива в агиографической литературе). С другой стороны, эта роль предполагает и регулярное использование запретов либо санкций, обеспечивающих верность норме, т. е. - выполнение судебных функций. Эта многофункциональность роли праведника естественным образом затрудняет её исполнение, в той или иной ситуации, одним человеком, способствуя дифференциации функций — особенно в структуре властных институтов.

Ключевые акторы, действующие в рамках эстетической модальности, определяют стандарты эстетического восприятия, от моды — до претендующих на универсальность принципов гармонии. Собственно, набор связанных с этой деятельностью функций и может быть определён как роль законодателя мод, что предполагает заметный элемент творчества, - при том, что в разных исторических и социальных контекстах творчество может пониматься по-разному, от боговдохновенного творца — до профессионального креативщика. По-видимому, основными атрибутами этих акторов являются способность к озарению (спонтанное формирование нового гармоничного сочетания, обладающего свойствами гештальта) и вдохновению (особое эмоциональное состояние, рассматриваемое как обязательное условие творческой деятельности). Вместе с тем, постольку, поскольку эстетическое воздействие и эстетическое восприятие опосредуются материальным носителем, особую роль играет искусность или мастеровитость актора, его способность организовать и представить собственно озарение через совокупность требующих специальной квалификации технических средств. Следовательно, здесь – так же, как и в рамках рациональной модальности, — существенным квалифицирующим признаком будет специализация: в художественном творчестве она подразумевает распределение по его видам, а в политике, например, дифференциацию эстетических ожиданий в отношении парламентария и в отношении полководца.

Ключевым актором в рамках инструментальной модальности является мастер-испытатель, утверждающий свою компетенцию на основании особых способностей и профессионального опыта: функция мастера не может адекватно выполняться человеком, получившим свои умения не опытным путём, а как-то иначе. Ввиду охарактеризованных выше особенностей практического знания, связанного с инструментальной модальностью, подобный актор является в большей степени умельцем, чем учителем: он не столько эксплицирует имеющееся у него знание, сколько обладает способностью сделать что-то; стандарт, таким образом, задаётся с помощью образца, а не правил, в гораздо большей степени, чем в рамках остальных модальностей, где эксплицированная нормативная составляющая всегда играет существенную роль. Такие политические варианты этой роли, как эффективный менеджер, успешный переговорщик или опытный пиарщик наглядно демонстрируют, что роль конструируется не разъяснением механизмов деятельности или соответствием каким-то принципам, а историей успеха (успехов). Основное ожидание в отношении носителей этой роли — способность обеспечить достижение заранее обозначенного осязаемого результата как цели деятельности.

Несмотря на существенные различия, у ключевых акторов разных модальностей есть общие характеристики, которые необходимым образом приписываются любой подобной роли, — и, как следствие, её конкретному исполнителю. В первую очередь, это исключительность или явно выдающиеся черты, связанные как с уникальными способностями, так и с особенной биографией, на протяжении которой формируются обязательные для данной роли атрибуты (социальное конструирование соответствующих биографий может происходить как в обычном хронологическом порядке, обеспечивая некоторый резерв кандидатов на соответствующие роли, так и постфактум, создавая требуемые этапы и маркеры)¹. С другой стороны, ролевые функции в значительной степени задаются существенными для данной модальности социальными ожиданиями; выполнение роли тем или иным актором оценивается и воспринимается постольку, поскольку отвечает этим ожиданиям. Несмотря на очевидные различия в степени эксплицитности, ключевой актор неизбежно должен быть способен демонстрировать и разъяснять стандарты, существенные для данной модальности — эксплицировать правила её функционирования, её логику, — в том числе и применительно к конкретным ситуациям. Наконец, роль ключевого актора часто оказывается связана с соответствующей институциональной позицией, — хотя, как кажется, далеко не каждое общество формирует такие позиции для всех модальностей; в каких-то случаях институционализация может быть стихийной, неформальной, или не складываться вовсе.

Ввиду универсальности разных модальностей мышления, в упомянутом выше смысле, многие социальные институты присваивают ту или иную модальность, выстраиваясь преимущественно на её основе и часто позиционируя себя в качестве нормативного центра в рамках данной модальности.

¹ Любая официальная биография, как и агиографическая литература, иллюстрируют это положение исчерпывающим образом.

Соответственно, рациональная модальность таким образом интегрируется наукой (а ранее – философией), магическая – религией и, применительно к религиям дифференцированных обществ, церковью, эстетическая – институционализацией художественного творчества и художественной критики (литературоведческой, театральной, музыковедческой и пр.), а в современном мире всё больше – профессиональным дизайном и имиджмейкерством, этическая – моралью и правом, инструментальная – профессиональными объединениями и организациями (в прошлом – преимущественно ремесленными цехами и корпорациями, сегодня – корпорациями в современном значении этого термина). Вместе с тем, каждый из этих институтов вынужденно выстраивает свою позицию в отношении других модальностей, как формируя для этого специализированные институциональные каналы (противоборство с религией и особенно с суевериями в рамках классической науки, некоторые разделы богословия – апология и гомилетика, прежде всего – в развитых религиозных системах, привлечение научной экспертизы в производственных целях и пр.), так и пытаясь подчинить другие модальности на основе собственных правил – попытки регулярные, но безуспешные.

Когнитивная функциональность этих «профильных» институтов очевидным образом сводится к решению двух задач: 1) упорядочение и развитие логики, свойственной данной модальности и 2) обеспечение её экспансии на другие сферы, ввиду формирования самодостаточного и, в пределе, единственного мировидения. Что касается упорядочения и развития, то вне институционализации любая модальность существует в примитивном виде или деградирует (как, скажем, магическое мышление в светском технократическом обществе, или рациональное мышление при отсутствии научно-образовательных институтов). Институты, напротив, обеспечивают возникновение и трансляцию достаточно сложных форм существования данной модальности. Что же касается экспансии ввиду тотального объяснения мира, то решение такой задачи в каждом из пяти случаев вполне мыслимо и, по всей видимости, возможно: любая модальность способна, при высоком уровне развития, объяснить всё; собственно, такие целостные картины мира неоднократно создавались.

Вместе с тем, социальное бытование этих модальностей не сводится к функционированию названных институтов и его производным. Рациональное, магическое, эстетическое, этическое и инструментальное представляются имманентными свойствами социума, способы их организации постоянно варьируются и никогда полностью не охватываются доминирующими на данный момент институтами. Политическое мышление, с этой точки зрения, представляет особый интерес, поскольку столкновение и взаимодействие в этой сфере разных групп, институтов и интересов предполагает присутствие и взаимодействие всех модальностей мышления. Если оценивать политическую сферу не только как арену взаимодействия интересов (politics), но и как реализацию функций государства (policy), то и в этом случае оказывается, что политическое значение разных модальностей мышления обусловлено масштабом государственного вмешательства в различные области общественной жизни. Иными словами, проявление всех

пяти модальностей и их влияние на политическое поведение неизбежно, а формы, масштаб и условия проявления во многом определяются самой политической практикой.

Деятельность, выполняемая в соответствии с какими-то правилами, не может быть ориентирована исключительно на идеальные образцы; для того, чтобы правила могли задавать систему координат, в рамках которой осуществляется поведение, необходимы и анти-образцы. В отношении институциональных норм такую роль играет перечень нарушений, вкуче с предусмотренными санкциями; в отношении функциональных ролей, достройка системы координат происходит за счёт формирования, в рамках каждой модальности, устойчивых ролей нарушителей или неумех — тех, кто неспособен к адекватной деятельности в данной модальности или нарушает установленные ей правила. Наряду с регулярным воспроизводством и демонстрацией анти-образцов, эти акторы выполняют и стандартную совокупность социальных ролей, свойственных изгоям, т. е. дополняют целостность социума как воспринимаемой реальности в рамках данной модальности. Вместе с тем, такие роли остаются внутри данного способа восприятия мира, т.е. не совпадают с сферой немыслимого \ невозможного для данной модальности: это по-прежнему часть целостного мыслительного и поведенческого паттерна, пусть порицаемая и презируемая. Рациональная модальность, таким образом, предполагает наличие роли неуча, магическая модальность — роли проклятого или неудачника (в собственном смысле слова, т. е. человека, которого высшие силы обрекают на неудачи), эстетическая — роли скучной бездари (включая неспособность к восприятию эстетически значимых явлений, например — отсутствие вкуса или чувства юмора), этическая — роли аморального типа или преступника, инструментальная — роли криворукого, неумехи.

Совершенно естественно, что каждая из таких ролей определяется через отрицание, по отношению к идеальному для данной модальности способу деятельности. Основная функция носителей этих ролей — демонстрация ошибочных моделей поведения; кроме того, их существование способствует самоидентификации в рамках модальности, через дифференциацию (различение) как по отношению к ключевым акторам, так и по отношению к изгоям. Поведенческая интеграция немыслимого, о котором шла речь в предыдущем разделе, может осуществляться и через перенос характеристик привычных и вполне мыслимых внутри этой модальности изгоев на представителей запредельного для той или иной модальности поведения: так, суеверный человек рационально может описываться как малограмотный, объективист для магического восприятия мира выглядит безблагодатным, нечувствительный к эмоционально-эстетическим оценкам субъект может описываться как бесталанный, этически нейтральный субъект — как аморальный, а человек, не включённый в прагматически полезную деятельность — как неприспособленный. В другой терминологии можно говорить о социально конструируемых механизмах устранения когнитивного диссонанса при столкновении с деятельностью, формируемой вне данной модальности.

Для политической теории и практики наибольший интерес представляют механизмы индуцирования той или модальности, или переключения между ними: в рамках всё той же гипотезы о повсеместном распространении всех модальностей, вполне закономерен вопрос о том, как и при каких условиях «включается» та или иная модальность, каким образом в конкретном мыслительном акте или акте коммуникации выбирается набор правил, в соответствии с которыми воспринимается реальность, происходит её осмысление и дальнейшее структурирование деятельности. В самом общем виде здесь можно говорить наличии своего рода триггеров, конкретных ситуаций или разовых воздействий, провоцирующих актуализацию определённой модальности и \ или переход к ней.

Психологические триггеры в отношении некоторых модальностей изучены довольно хорошо. Так, экспериментальные исследования достаточно последовательно показывают, что психологический стресс и, в частности, такая его вариация как страх, угроза значимым ценностям, устойчиво провоцируют магическое мышление [Subbotsky 2010; Keinan 1994]. С этими наблюдениями вполне коррелирует старая философская традиция, приписывающая возникновение религии и магии страху перед непознаваемыми силами природы [Лукреций 1936; Токарев 1959]: безотносительно куда более сложной проблемы возникновения религии как комплексного явления, магические её составляющие вполне могут быть индуцированы стрессом и, в частности, страхом. В данном случае нам не столько интересны исторические истоки магического мышления, сколько механизмы воздействия на его функционирование в современном обществе. Цитированные исследования вполне убедительно демонстрируют, что страх в данном случае тесно связан с неопределённостью, которая, затрагивая такие ценности как жизнь, здоровье или имущество, и вызывает стресс, проявляющийся в страхе утраты. Таким образом, психологический триггер приобретает вполне определённую структуру: переживаемый в виде страха стресс (настоящее) в условиях неопределённости проецируется во времени в виде опасений или надежд (будущее): именно это сочетание и активизирует магическое мышление.

Актуализация рационального мышления оказывается, как ни парадоксально, наиболее сложной для изучения — отчасти в силу того, что господствующая традиция приписывает ему естественность и самоочевидность. Имеющие многовековую историю исследования мышления, логики, причинности претендуют на охват всех аспектов мыслительной деятельности человека. Следствием такой установки является уже упоминавшееся смешение рационального мышления и мышления вообще; таким образом, в существующей литературе довольно сложно выявить те параметры, которые характеризуют собственно рациональность, не относясь при этом к процессам любого мышления, не только рационально-логического. Современная экспериментальная психология, тем не менее, даёт некоторые основания говорить о существовании психологических триггеров, связанных именно с рациональностью в предложенном выше понимании. Во-первых, во многом специфичным для данной модальности иницирующим фактором оказывается любознательность или эпистемическое любопытство

(epistemic curiosity) как устойчивое и, по-видимому, имманентное свойство человеческой психики [Berlyne 1954]; во-вторых, исследователи убедительно демонстрируют роль прерывности, дисконтинуальности информации (disfluency) как стимула активизации аналитического мышления [Alter, Oppenheimer, Eyre 2007; Gervais, Norenzayan 2012]. Таким образом, здесь также может формироваться устойчивая когнитивная схема, где любознательность, определяемая как досужее стремление к знанию [cf. Loewenstein 1994], выступает первоначальным мотивом, а его проекция в будущее формирует аналитическую, в пределе — формально-логическую установку при столкновении с непривычным, в общем виде — с затруднённой восприятию, по сравнению с привычными когнитивными схемами.

Остаётся проблема индуцирования ситуативной любознательности (specific epistemic curiosity): если сама по себе любознательность, как и вообще любопытство, — постоянное свойство человеческой природы, то каким образом оно стимулируется в достаточной мере для активизации рационального мышления? Традиционные определения мышления, подразумевая рационально-логическую его ипостась, характеризуют его как ментальную деятельность, направленную на решение задач [ср. Выготский 1999]. Естественный вопрос — каким образом мы отличаем задачу от любой другой информации, — особенно с учётом того, что любознательность, по определению, не связана с немедленным удовлетворением насущных физических \ физиологических потребностей? По всей видимости, ключевым элементом здесь является вопрос [Berlyne 1954]: именно формулировка вопроса или задания и оказывается триггером, провоцирующим актуализацию описанной выше когнитивной схемы. Идущая как минимум от Сократа философская традиция вполне коррелирует с данными экспериментальной психологии.

Эстетическое восприятие и, как следствие, эстетическое мышление, в значительной степени обусловлены стремлением к удовольствию: именно непосредственность получения эстетического удовольствия часто рассматривается как отличительный признак этого аспекта психической активности [Berlyne 1972]. Современные социология и психология часто исследуют взаимосвязь удовольствия и эстетического восприятия через призму потребительских установок и потребительского поведения; аналогичные исследования весьма распространены в сфере изучения маркетинга. Непосредственным внешним стимулирующим воздействием в данном случае является, по всей видимости, блазнение (соблазнение): предъявление возбуждающего стимула. Дело в том, что специфическим атрибутом удовольствия, связанного с эстетической модальностью, является возбуждение [Cupchik 1994]; функционирование триггера, таким образом, приобретает следующий вид: ожидание (установка на поиск) удовольствия — соблазняющий стимул — возбуждение — включение эстетических механизмов оценки и суждения. Отметим, что одной из наиболее актуальных для политического анализа форм эстетического реагирования и здесь является юмор: «юморизация» того или иного явления, перевод его в плоскость приятных ощущений, связанных со смехом, безусловно активизирует именно эстетическое восприятие данного явления. В этом контексте совершенно неуди-

вительно, что тесную связь эстетического мировосприятия и удовольствия философская традиция отмечает как минимум с античных времён (Аристотель), а религиозная мысль достаточно рано констатирует специфическую роль блазнящих воздействий как не-этичных (Тертуллиан).

Этическая модальность, по всей видимости, актуализируется через переживание фрустрации: экспериментальная психология достаточно убедительно показывает, что переживание таких вызванных фрустрацией чувств, как гнев или вина напрямую связано с приписыванием источнику фрустрации намеренных действий [Weiner, Graham, Chandler 1982]; аналогично дело обстоит с обидой [Агеева, Гриценко 2009], определяемой иногда как проецирование вины вовне [Смирнов 1999]. Фрустрация, таким образом, провоцирует не только приписывание фрустрирующему воздействию интенциональности, но и его соотнесение с некоторой системой ожиданий, в пределе — правил, в отношении которых оно является нарушением. Устойчивая исследовательская традиция в психологии оценивает вызываемые фрустрацией чувства как агрессию, которая может быть направлена как вовне (на других субъектов), так и на самого рефлексирующего субъекта [Dollard et al. 1939\$ Berkowitz 1989]; этическое мышление оказывается в этом случае производным от агрессии в той же мере, в какой рациональное является следствием любопытства, магическое — страха, а эстетическое — стремления к удовольствию. Схема включения триггера, следовательно, складывается следующая: фрустрация — агрессивные чувства — идентификация виновного и соотнесение его действий с некоторой системой правил через должествование — этическое восприятие и осмысление ситуации, с соответствующим поведением.

Инструментальная модальность мышления тесно связана с стремлением к выгоде или к полезности, немедленному удовлетворению осознаваемой потребности. Собственно, любой из описанных выше стимулов может быть охарактеризован через стремление удовлетворить ту или иную потребность; спецификой полезности является ориентированность на результат — субъект представляет себе объекты, состояния, свойства, наличие (получение) которых удовлетворяет потребность. Речь, таким образом, идёт о своего рода замкнутой системе «потребность — удовлетворяющий её результат», тогда как в предыдущих случаях, будь то страх, любознательность, стремление к удовольствию или фрустрация, удовлетворение соответствующей потребности не связано, как правило, с образом конечного результата, представляя собой скорее открытую систему «потребность — различные варианты её удовлетворения». Иными словами, инструментальная модальность ориентирована на получение определённого набора потребительских свойств, заранее известных актору; известна и ожидаемая форма существования этих свойств. Так, если рациональное мышление, сталкиваясь с задачей, стремится отыскать ответ на вопрос, соответствующий критерию истины (заранее неизвестной по определению, иначе не было бы задачи), то инструментальное мышление, сталкиваясь с проблемой, ориентируется на то, какой результат будет означать её разрешение. Триггером, включающим инструментальную модальность, является, судя

по всему, осознание насущности проблемы, как единства необходимости и возможности её разрешения в рамках текущей деятельности [ср. Корнилов 2000: 176-179]. Фактор текущей деятельности здесь чрезвычайно важен: насущность проявляет себя только по отношению к ситуативно определённым контекстам. Результирующая схема выглядит следующим образом: осознание насущности проблемы — конкретный образ результата — инициация инструментального мышления.

Общие черты триггеров: они не обязательно представляют собой глубинные мотивы деятельности, интересующая нас исключительно в роли технических переключателей. Движимый страхом человек может мыслить, и вести себя, рационально, этически или инструментально, но в коммуникативном поле индуцирование страха с высокой степенью вероятности провоцирует в первую очередь магическое мышление и соответствующее ему поведение. Существует и обратная зависимость: последовательное мышление в рамках той или иной модальности провоцирует триггерные эмоциональные состояния и поведенческие реакции. Иными словами, рационально-логическое мышление стимулирует формулировку вопросов и задач, магическое — надежды и страхи, эстетическое — соблазны, этическое — агрессию и процедуры её регулирования, а инструментальное — прагматизм.

Охарактеризованные выше взаимосвязи политического мышления и политического действия, специфичные для разных модальностей, могут быть резюмированы в виде таблицы (табл. 3).

Политическое мышление разнообразно и может осуществляться в соответствии с разными правилами: одна и та же ситуация всегда даёт основания для множества разных интерпретаций и поведенческих реакций. Частично такое разнообразие объясняется феноменом «молчаливого знания», когда кажущиеся непоследовательность и неясность мыслительных операций связаны с неявными для стороннего наблюдателя, а порой и для самого субъекта, пресуппозициями, особенно ценностными [Collins 2010]. Другая распространённая трактовка таких противоречий — информационная асимметрия, когда различия в умозаключениях и выводах обусловлены неравным доступом к информации, — информация при этом часто мыслится как нечто независимое от субъекта и универсальное, как и сама человеческая способность к постижению этой информации, — например, в рамках методологии общественного выбора. Изучение политического сознания и политического действия часто даёт основания для сведения проблемы разных логик к проблеме интересов: разные субъекты ориентированы на разные приоритеты, опирающиеся на их интересы и ценности, что ведёт к выстраиванию разных мыслительных и поведенческих стратегий. Большое количество исследований, посвящённых проблемам политического сознания и политической культуры, стремится к комплексному анализу этих явлений, увязывая их с особенностями социо-культурной среды их бытования, интересами различных групп, традиционными институтами и иными значимыми факторами, определяющими контекст существования различных элементов и аспектов политического сознания.

Однако далеко не все формирующиеся в итоге исследовательские модели выдерживают испытание мобильностью. Как правило, тот или иной

Таблица 3

**Влияние модальностей мышления на структурирование
политического действия**

	Р а ц и о н а л ь н о е мышление	Магическое мышле- ние	Эстетическое мыш- ление	Этическое мышление	Инструментальное мышление
<i>Параметры для срав- нения (исследователь- ский протокол)</i>					
Организация перехо- да к действию	Планирование	Контактирование	Вдохновение	Осознание долга (права)	Эксперимент
Стратегии	Объяснение, рацио- нализации, реали- зация плана	Сопричастность че- рез ритуал, гадание, мифо- и чудотвор- чество	Фанатство, наслажде- ние спектаклем, эска- пизм, перформанс	Морально- политический долг, стратегия «малых дел», установление справедливости	Инструментали- зация, симулиро- вание и саботаж, ситуативные решения
Актеры (роли ли- деров, авторитетов, профессионалов)	Ученые	Жрецы-маги	Искусники	Праведники	Мастера- испытатели
Формы институци- ализации в обществе в целом	Наука	Церковь	Искусство и дизайн	Право	Корпорации
Неспособные (роли несведущих и неуме- ющих)	Неуч	Неудачник, про- клятый	Бездарь	Аморальный тип	Криворукий
Триггеры (стимулы переключения между модальностями)	Любознательность, вопросы, задачи	Стресс, страх, на- дежда	Соблазнение, стрем- ление к удоволь- ствию, возбуждение	Фрустрация (гнев, обвинение, обида), агрессия	Насущность про- блемы

тип политического сознания (менталитета, ценностей, политической культуры в целом) мыслится имманентно присущим вполне определённой социально-политической конфигурации: носитель того или иного политического менталитета – почти всегда или представитель некоторой устойчивой группы с общими чертами политического сознания, или легко идентифицируемый социальный типаж. В более широком историческом контексте речь обычно идёт о исторических типах, или исторических этапах трансформации политического сознания. В этом случае типы политической ментальности увязываются с определённым, исторически обусловленным мировоззрением и приписываются той или иной исторической эпохе: так, говорят о преимущественно мифологическом или религиозном политическом мышлении применительно к традиционным обществам, о рациональности «проекта модерна» и связанной с ним политической ментальности Просвещения, о формировании общества-спектакля и политических симулякров в рамках постмодерна. Но что происходит, когда политическое мышление и деятельность отрываются от призванной детерминировать её социокультурной или исторической почвы?

Различные способы организации мышления давно и основательно исследуются психологами, – однако, это преимущественно либо анализ индивидуальных различий (наиболее обширная и основательная литература оперирует такими терминами, как когнитивные стили, стили мышления и т. д., другой блок исследований связан с возрастной и профессиональной психологией и с педагогикой), либо анализ индивидуальных или групповых мыслительных процессов в исключительных ситуациях (стресс, изменённые состояния сознания, массовые истерии, паника и пр.). В отличие от этой исследовательской традиции, предложенная в данной статье типология модальностей мышления ориентирована на феномены, которые присущи всем индивидам, т. е. являются универсальными, и, в то же время, могут проявляться в ситуациях самого разного толка.

Материал поступил в редколлегию 20.07.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агеева З.А., Гриценко М.С. 2009. Социально-психологическая природа и феноменология обидчивости // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». Вып. 1: Педагогика. Психология. Социальная работа. С.19-23.

Васищев А.А. 2002. Исследование процесса построения проблемной ситуации в практическом мышлении. Дисс. ... кандидата психологических наук. Ярославль. 140 с.

Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./ Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденоко. М.: Прогресс. 808 с. - С. 44-271.

Выготский Л.С. 1999. Мышление и речь / Изд. 5, испр. М.: Издательство «Лабиринт». 352 с.

Дебор Г. 1999. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос. 224 с.

Канашенкова В.В. 2011. Подходы к исследованию феномена «художественное мышление» // Вектор науки ТГУ. № 3(6). С.143-146.

- Корнилов Ю.К. 2000. Психология практического мышления. Монография. Ярославль. 205с.
- Лакофф Д. 2004. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры. 792 с.
- Леви-Брюль Л. 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс. 608 с.
- Луcretий. 1936. О природе вещей. / Пер. Ф. А. Петровского, вступ. ст. В. Ф. Асмуса. М.-Л.: Academia. 285 с.
- Никифоров А. Л. 2010. Факт // Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль. С.157-158.
- Поппер К. 2010. Логика научного исследования. М.: АТС- Астрель. 576 с.
- Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема. 2010. Отв. ред. выпуска А.В.Смирнов. М.: Языки славянской культуры. 528 с.
- Рубинштейн С.Л. 1958. О мышлении и путях его исследования. М.-Л. 150 с.
- Смирнов А.В. 2001. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры. 504 с.
- Смирнов А.В. 1999. Последствия перенесённого стресса у лиц, потерявших близких // Актуальные вопросы клинической и социальной психиатрии / Под ред. О.В. Лиманкина и В.И. Крылова. СПб. С. 161-169.
- Современная российская мифология. 2005. Сост. М.В. Ахметова. М.: Рос. гос. Гуманит. Ун-т. 285 с.
- Токарев С. А. 1959. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии. М. Т. 51, с. 17-29.
- Ушанева Ю.С. 2009. Понятие художественно-образного мышления в эстетике, психологии, педагогике // Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 50-60.
- Фрэзер Д.Д. 1986. Золотая ветвь. М.: Политиздат. 706 с.
- Холодная М. А. 2004. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер. 384 с.
- Albrecht K. Practical Intelligence. The Art and Science of Common Sense. San-Francisco: John Wiley & Sons, 2007. - 396 p.
- Alter A.L., Oppenheimer D.M., Eyre R.N. Overcoming Intuition: Metacognitive Difficulty Activates Analytic Reasoning, in: Journal of Experimental Psychology: General. 2007, Vol. 136, No. 4, pp.569–576.
- Berkowitz L. Frustration-Aggression Hypothesis: Examination and Reformulation, in: Psychological Bulletin. 1989, Vol. 106. No, 1, pp.59-73.
- Berlyne D.E. A theory of human curiosity, in: British Journal of Psychology. 1954 . Aug 1, 45, 3; pp. 180-191.
- Berlyne D.E. Curiosity and Learning, in: Motivation and Emotion. Volume 2, Number 2, 1978, pp.97-175.
- Berlyne D.E. Humor and its kin, in: the psychology of humor. Theoretical Perspectives and Empirical Issues / Edited by Jeffrey H.Goldstein / Paul E. Mcghee. New York and London: Academic Press, 1972, pp.43-61.
- Collins H. Tacit and Explicit Knowledge. Chicago, London: University of Chicago Press, 2010. - 186 p.
- Cupchik G.C. Emotion in aesthetics: Reactive and reflective models, in: Poetics. 1994. 23, pp. 177-188.
- Dollard J., Miller N.E., Doob L.W., Mowrer O.H., Sears R.R. Frustration and aggression. New Haven: Yale University Press, 1939. - 213 p.
- Gervais W.M., Norenzayan A. Analytic Thinking Promotes Religious Disbelief, in: Science. 2012. Vol.336. pp.493-496.

- Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970. - 162 p.
- Keinan G. Effects of Stress and Tolerance of Ambiguity on Magical Thinking, in: *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67. No. 1. pp.48-55.
- Lévi-Strauss C. *La pensée sauvage*. P.: Presses Pocket, 1996. - 350 p.
- Loewenstein G. The Psychology of Curiosity: A Review and Reinterpretation, in: *Psychological Bulletin*. 1994. Vol. 116, No. 1, pp.75-98.
- Rozin P., Markwith M., Nemeroff C. Magical Contagion Beliefs and Fear of AIDS, in: *Journal of Applied Social Psychology*, 1992, 22 (14), pp. 1081-1092.
- Rozin P., Nemeroff C. The Contagion Concept in Adult Thinking in the United States: Transmission of Germs and of Interpersonal Influence, in: *Ethos*. 1994. Vol. 22, No. 2, Jun., pp. 158-186.
- Shtulman A. Variation in the anthropomorphization of supernatural beings and its implications for cognitive theories of religion, in: *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2008, 34, pp. 1123-1138.
- Sibley F. *Approach to Aesthetics. Collected Papers on Philosophical Aesthetics*. Oxford: Oxford University Press, 2006. - 282 p.
- Subbotsky E. *Magic and the Mind. Mechanisms, Functions, and Development of Magical Thinking and Behavior*. N.-Y.: Oxford University Press, 2010. - 202 p.
- Weiner B., Graham S., Chandler C. Pity, Anger, and Guilt: An Attributional Analysis, in: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1982, # 8, pp.226-232.
- Yudkowsky E. *Rationality: From AI to Zombies*. Berkeley: MIRI, 2015. - 1775 p.
- Zhang L., Sternberg R.J., Rayner S./Eds. *Handbook of Intellectual Styles. Preferences in Cognition, Learning, and Thinking*. N.-Y.: Springer, 2012. - 430 p.

References

- Ageeva Z.A., Gritsenko M.S. *Sotsial'no-psikhologicheskaya priroda i fenomenologiya obidchivosti* [Social and psychological nature and the phenomenology of the resentment], *Vestn. Ivan. gos. un-ta. Seriya «Estestvennye, obshchestvennye nauki»*, 2009, iss. 1, pp. 19-23. (in Russ.).
- Akhmetova M.V. (comp.) *Sovremennaya rossiyskaya mifologiya* [Modern Russian mythology], Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t., 2005, 285 p. (in Russ.).
- Albrecht K. *Practical Intelligence. The Art and Science of Common Sense*, San-Francisco, John Wiley & Sons, 2007, 396 p.
- Alter A.L., Oppenheimer D.M., Eyre R.N. Overcoming Intuition: Metacognitive Difficulty Activates Analytic Reasoning, *Journal of Experimental Psychology: General*, 2007, vol. 136, no. 4, pp. 569-576.
- Berkowitz L. Frustration-Aggression Hypothesis: Examination and Reformulation, *Psychological Bulletin*, 1989, vol. 106, no. 1, pp. 59-73.
- Berlyne D.E. A theory of human curiosity, *British Journal of Psychology*, 1954, vol. 45, iss. 3, aug., pp. 180-191.
- Berlyne D.E. Curiosity and Learning, *Motivation and Emotion*, 1978, vol. 2, no. 2, pp. 97-175.
- Berlyne D.E. *Humor and its kin*, J.H. Goldstein, P.E. McGhee (eds.) *The Psychology of Humor: Theoretical Perspectives and Empirical Issues*, New York, London, Academic Press, 1972, pp. 43-61.
- Collins H. *Tacit and Explicit Knowledge*, Chicago, London, Univ. of Chicago Press, 2010, 186 p.
- Cupchik G.C. Emotion in aesthetics: Reactive and reflective models, *Poetics*, 1994, vol. 23, pp. 177-188.
- Debor G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle], Moscow, Logos, 1999, 224 p. (in Russ.).

Dollard J., Miller N.E., Doob L.W., Mowrer O.H., Sears R.R. *Frustration and aggression*, New Haven, Yale Univ. Press, 1939, 213 p.

Frezer D.D. *Zolotaya vet'* [Golden bough], Moscow, Politizdat, 1986, 706 p. (in Russ.)

Gervais W.M., Norenzayan A. Analytic Thinking Promotes Religious Disbelief, *Science*, 2012, vol. 336, pp. 493-496.

Hirschman A.O. *Exit, Voice, and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1970, 162 p.

Kanashchenkova V.V. *Podkhody k issledovaniyu fenomena «khudozhestvennoe myshlenie»* [Approaches to the study of the phenomenon of «artistic thinking»], *Vektor nauki Tol'yat. gos. un-ta*, 2011, no. 3(6), pp. 143-146. (in Russ.).

Keinan G. Effects of Stress and Tolerance of Ambiguity on Magical Thinking, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, vol. 67, no. 1, pp. 48-55.

Kholodnaya M.A. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of individual mind], 2nd ed., St. Petersburg, Piter, 2004, 384 p. (in Russ.).

Kornilov Yu.K. *Psikhologiya prakticheskogo myshleniya* [Psychology of the practical mind], Yaroslavl, 2000, 205 p. (in Russ.).

Lakoff D. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind], Moscow, Yaz. slavyan. kul'tury, 2004, 792 p. (in Russ.).

Lévi-Strauss C. *La pensée sauvage* [The Savage Mind], Paris, Presses Pocket, 1996, 350 p. (in French).

Lévy-Bruhl L. *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural], Moscow, Pedagogika-Press, 1994, 608 p. (in Russ.).

Loewenstein G. The Psychology of Curiosity: A Review and Reinterpretation, *Psychological Bulletin*, 1994, vol. 116, no. 1, pp. 75-98.

Lucretius. *O prirode veshchey* [On the Nature of Things], Moscow, Leningrad, Academia, 1936, 285 p. (in Russ.).

Nikiforov A.L. *Fakt* [Fact], *Novaya filos. entsykl. : v 4 t.*, Moscow, Mysl', 2010, vol. 4, pp. 157-158. (in Russ.).

Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Discovery], Moscow, ATS-Astrel', 2010, 576 p. (in Russ.).

Rozin P., Markwith M., Nemeroff C. Magical Contagion Beliefs and Fear of AIDS, *Journal of Applied Social Psychology*, 1992, vol. 22, no. 14, pp. 1081-1092.

Rozin P., Nemeroff C. The Contagion Concept in Adult Thinking in the United States: Transmission of Germs and of Interpersonal Influence, *Ethos*, 1994, vol. 22, no. 2, jun., pp. 158-186.

Rubinshteyn S.L. *O myshlenii i putyakh ego issledovaniya* [About mind and ways of exploring it], Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958, 150 p. (in Russ.).

Shtulman A. Variation in the anthropomorphization of supernatural beings and its implications for cognitive theories of religion, *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2008, vol. 34, pp. 1123-1138.

Sibley F. *Approach to Aesthetics. Collected Papers on Philosophical Aesthetics*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2006, 282 p.

Smirnov A.V. (ed.) *Rossiya i musul'manskiy mir: Inakovost' kak problema* [Russia and the muslim world: Otherness as a problem], Moscow, Yaz. slavyan. kul'tury, 2010, 528 p. (in Russ.).

Smirnov A.V. *Logika smysla: Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoy arabskoy filosofii i kul'tury* [The logic of meaning: theory and its application to the study of the classical arabian philosophy and culture], Moscow, Yaz. slavyan. kul'tury, 2001, 504 p. (in Russ.).

Smirnov A.V. *Posledstviya perenesennogo stressa u lits, poteryavshikh blizkikh* [After-effects of the endured stress for persons who had lost theirs relatives], O.V. Limankin,

V.I. Krylov (eds.) *Aktual'nye voprosy klinicheskoy i sotsial'noy psikhologii*, St. Petersburg, 1999, pp. 161-169. (in Russ.).

Subbotsky E. *Magic and the Mind. Mechanisms, Functions, and Development of Magical Thinking and Behavior*, New York, Oxford Univ. Press, 2010, 202 p.

Tokarev S.A. *Sushchnost' i proiskhozhdenie magii* [The essence and the origins of magic], *Trudy In-ta etnografii*, Moscow, 1959, vol. 1, Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovaniy, pp. 17-29. (in Russ.).

Ushaneva Yu.S. *Ponyatie khudozhestvenno-obraznogo myshleniya v estetike, psikhologii, pedagogike* [The concept of the artistic thinking in the aesthetics, psychology and pedagogy], *Gumanit. i sotsial. nauki*, 2009, no. 3, pp. 50-60. (in Russ.).

Vasishchev A.A. *Issledovanie protsessa postroeniya problemnoysituatsiivprakticheskomyshlenii : dis. ... kand. psikhol. nauk* [Study of the building issue-related situation in the practical mind: dissertation], Yaroslavl, 2002, 140 p. (in Russ.).

Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], M. Weber. *Izbr. proizvedeniya*, Moscow, Progress, 1990, pp. 44-271. (in Russ.)

Vygotsky L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech], 5nd ed., rev., Moscow, Labirint, 1999, 352 p. (in Russ.).

Weiner B., Graham S., Chandler C. Pity, Anger, and Guilt: An Attributional Analysis, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1982, no. 8, pp. 226-232.

Yudkowsky E. *Rationality: From AI to Zombies*, Berkeley, MIRI, 2015, 1775 p.

Zhang L., Sternberg R.J., Rayner S. (eds.) *Handbook of Intellectual Styles. Preferences in Cognition, Learning, and Thinking*, New York, Springer, 2012, 430 p.

Yaroslav Y. Startsev, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: y.startsev@gmail.com

PHENOMENOLOGY OF IRRATIONALITY IN POLITICAL THINKING AND MULTIPLICITY OF LOGICS IN POLITICAL ACTION

Abstract: The article presents a typology of thinking based on the experimental psychology and comparative anthropology with its subsequent projection on the problem of diverse interpretations of political phenomena and different forms of political action arising from it. The comparative characteristics of five modalities of thinking – rational, magical, aesthetic, ethical, and instrumental – are followed by the identification of the basic structuring rules, including way of perception of reality, forming judgments and building the new knowledge. Each set of rules is defined as an independent logic; political thinking and the related political action is analyzed as the consistent implementation of these logics, depending on the chosen modality. Core strategies of political behavior typical for each modality, as well as psychological triggers that stimulate the actualization of the rational, magical, ethical, aesthetic, or instrumental thinking and behavior are explored. Key findings are presented in the form of comparative tables describing the structure of each modality of political thought, the relation of the abstract and the concrete in the framework of different modalities, and logic of political action initiated by different modalities.

Keywords: political thinking, political action, political theory, typology of thinking, irrational in politics.